

Г. А. Меликишвили

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МАНЕЙСКОГО ЦАРСТВА

В эпоху существования Урартского государства вокруг Урарту находилось множество разных политических и этнических образований, с которыми имели интенсивные сношения как Урарту, так и Ассирия. В научной литературе их обыкновенно упоминают лишь в связи с историей Урарту или Ассирии, но некоторые из них по своему значению, несомненно, достойны более подробного и самостоятельного изучения. Это в первую очередь относится к Манейскому царству, которое в продолжение IX—VIII вв. до н. э. представляло самое значительное политическое объединение после Урарту среди «стран Наири», а начиная с конца VIII в., когда Урарту значительно ослабело, Мана, повидимому, становится самой значительной силой в области Наири.

Для истории Манейского царства мы не располагаем местными источниками, а только сведениями, сохранившимися в письменных памятниках соседних народов. В ассирийских источниках интересующие нас сведения мы находим в исторических надписях ассирийских царей начиная с Салманасара III (860—825) до Ашурбанипала (668—624), а также в письмах Куюнджикского архива и в некоторых других документах и религиозных текстах. В урартских надписях Мана многократно упоминается начиная с царя Менуа (810—781) до эпохи Русы II (685—645). Мана упоминается также в позднеавилонских источниках и в Библии. Ассирийские источники дают несколько вариантов в написании названия страны Мана: Ma(n)na, Mannas¹ или Munna (ARAB, I, 637, 739). Все это, может быть, говорит о том, что название «Мана» — местное название. Интересно, что урартийцы «страной Мана» называли некоторые такие области, которые, по мнению ассирийцев, не были территорией страны Мана; у Саргона, например, мы находим упоминание о том, что граничащую с севера с Мана территорию страны Subi урартийцы рассматривали также как территорию Мана (ЛТ, стк. 172 = ARAB, II, 158). В ассирийских источниках название «Мана» с самого начала выступает как название одного определенного политического формирования, в то время как по происхождению этот термин, вероятно, являлся этническим названием, и страна Subi рассматривалась среди урартийцев территорией Мана именно по этническому признаку.

Основная территория страны Мана находилась в области Урмийского озера. В ассирийских и урартских источниках Мана систематически упоминается в окружении тех «стран», которые находились именно юго-восточнее Ванского озера, южнее или восточнее Урмийского озера. Так,

¹ Салманасара III Обелиск, стк. 168.

например, часто упоминаются рядом с Мана: Parsuaš, Buštu, Hubuškia Ellipi, Allabria, Karalla, Zikirtu, Andia, Gizilbunda, Abdadani, Bit-Kabsi, Zamua, Mušasir, Sumbi, страна мидийцев, Kakmi и др. Согласно источникам, можно утверждать, что многие из этих стран находились в непосредственной близости с Мана; это можно сказать, например, по отношению стран Parsuaš¹, Buštu² Zikirtu и Andia³, Bit-Kabsi и страны мидийцев (ЛТ, стк. 74—75 = АРАБ, II, 150), Gizilbunda, (ЛТ, стк. 64—71 = АРАБ, II, 149), Kakmi (ЛТ стк. 51—59 = АРАБ, II, 148), Mušasir (WRCAE, № 381), Zamua (АРАБ, I, 637), Karalla и Allabria (АРАБ, I, 637; ЛТ, стк. 31 = АРАБ, II, 144) и др. Непосредственно граничила Мана также с Урарту, а в позднюю эпоху, когда Ассирия присоединяет к себе ряд стран, расположенных южнее Мана, она становится непосредственным соседом также Ассирийской империи⁴. Большое значение для локализации Мана имеет надпись из Таш-тепе урартского царя Менуа (СICh, 20), оставленная вблизи южного побережья Урмийского озера, юго-восточнее этого озера (северо-западнее от Миандуаба). В этой надписи говорится о завоевании царем Менуа страны Мана и города Meišta. Район Таш-тепе, вероятно, является территорией того самого города Meišta, о завоевании которого специально идет речь в этой надписи. Если и эта местность являлась территорией страны Мана, то она должна быть периферией Манейской страны, поскольку урартский царь эту территорию непосредственно присоединяет к своему царству; в этой же надписи Менуа сообщает, что он воздвиг (вероятно, именно в районе надписи) EKALLU, т. е. цитадель, крепость. Кроме того, обращает на себя внимание то, что в одной надписи царей Ишпуини и Менуа (СICh, 15) город Meišta многократно упоминается в связи со страной Baršua, а о Мана вовсе ничего не сказано. Можно думать, что территория этого Meišta находилась между странами Мана и Baršua: с одной стороны она, повидимому, граничила с Baršua, а с другой — с Мана, так что район Таш-тепе являлся, повидимому, одним из пограничных районов страны Мана⁵. В специальной литературе часто название города Meišta связывается с названием страны Missi, которая, согласно надписям царя Саргона, представляла одну из периферийных областей Мана, пограничную со страной Parsua. Возможно, что город Meišta урартских источ-

¹ Этот факт ясно выступает из текста Луврской таблички, стк. 51 (АРАБ, II, 148), а также из сопоставления урартских надписей СICh, 15 и СICh, 20.

² См. в анналах Аргишти I: S a u s e, 39, 43, особенно 43 (24—25).

³ ЛТ, стк. 74—78 (АРАБ, II, 150), 79—91 (АРАБ, II, 151—152).

⁴ Уже в эпоху Саргона (частично, может быть, даже раньше, особенно начиная с царствования Тиглатпаласара III), на территории, соприкасающейся с Мана с юга, юго-запада и юго-востока, мы встречаем несколько ассирийских провинций. После Саргона II непосредственное соседство между страной Мана и Ассирией — вне всякого сомнения: существовавшие между ними буферные политические образования исчезают; часть их присоединяет к себе усилившееся Манейское царство, большую же часть Ассирия. Известно также, что Ашурбанипал жалуется на то, что манейцы захватили во время царствования его предков некоторые ассирийские пограничные города.

⁵ Согласно сведениям того же Саргона, эта периферийная пограничная со страной Parsuaš, манейская область Missi в то же время находилась вблизи страны Gizilbunda: во время пребывания в ней Саргону преподносят дань от правителей некоторых городов страны Gizilbunda (ЛТ, стк. 51—73; АРАБ, II, 148—149). Поэтому обращает внимание то, что у царя Шамшиада V по соседству со страной Gizilbunda упоминается народ Mes (ai) (надпись на монолите, кол. II, 34—кол. III, 1; АРАБ, I, 718—719). Возможно, что крепость Mesu, в которой, согласно сведениям Ашурнасирапа II, в страхе перед ассирийским войском укрываются жители страны Zamua, также находилась на территории этой страны (Анналы, кол. II, стк. 82; АРАБ, I, 457). И в надписях Салманасара III упоминается страна Messi (Missi), так же как и у Саргона, по соседству со страной Parsua: войска Салманасара из страны Parsua переходят в страну Messi (обелиск, стк. 120—

ников находился на территории этой Missi. По источникам, как Meišta, так и Missi локализируются на периферии Мана, на границе со страной Parsua. Ясно выступает также сходство между названиями Missi и Meišta (в произношении, вероятно, Mista или Mesta). Это последнее, возможно, содержит окончание названий местностей -ta, которое мы встречаем также в названии столицы Мана — города (J)zirta, а также в названии столицы страны Zikirtu (которая, согласно претензиям манейских царей, являлась составной частью их царства) — Parda.

Из этих местностей, с территории, лежащей южнее Урмийского озера, страна манейцев простиралась, главным образом в северном и северо-восточном направлениях, вдоль восточного побережья Урмийского озера. Об этом говорят нам данные 8-го похода Саргона II¹, в частности текст известной Луврской таблички, которая содержит отчет об этом походе. Здесь ассирийский царь пространно описывает свой поход на территорию Мана, упоминает множество пунктов этой страны, временами указывает также на расстояния, пройденные его войском, и т. д. Установление маршрута этого похода имеет огромное значение для вопроса о распространении территории страны Мана. По тексту Луврской таблички основные районы Мана должны были находиться южнее и восточнее Урмийского озера. С течением времени территория, занимаемая народом Мана и, тем более, территория, находящаяся во владении манейских царей, претерпела много изменений. В эпоху Саргона II — Русы I (последняя четверть VIII в.) Манейское царство кажется территориально очень стесненным, главным образом государством Урарту и его сателлитами. Но когда Саргон II наносит решительный удар могуществу Урарту и этим избавляет Манейское царство от опасного соседа, Мана усиливается и, несомненно, растет территориально. В это время в границы Манейского царства, вероятно, попадают территории лежащих восточнее Мана стран — Zikirtu, Andia и др. или же значительная часть территории этих стран. Кроме того, после экспедиции Саргона Мана возвращает себе свои северные области — Uišdiš и др., захваченные урартскими царями, о которых в надписях Саргона говорится, что это манейские земли, отнятые у манейцев соседними правителями (Анн., стк. 110—111 = ARAB, II, 20). Впоследствии Мана уже своими собственными силами (а также, возможно, благодаря союзу со скифами и киммерийцами) стремится к еще большему росту своей территории и теснит даже грозную Ассирию: Ашурбанипал жалуется, что манейцы во время царствования его предков отняли у Ассирии много городов². Несомненно, еще больший успех имела манейская экспансия в сторону ослабевшего Урарту. Можно думать, что во всяком случае в позднюю эпоху территория Манейского царства распространялась далеко на север, севернее и северо-западнее Урмийского озера. Достоинно внимания то обстоятельство, что Мана упоминается в письме царя Ишкигулу Sagastara, адресованном урартскому царю

121; ARAB, I, 581). Страна Mesu упоминается и в надписях Ададнирари III: в своей титулатуре этот ассирийский царь отмечает, что он завоевал Ellipi, Darhar, Arazias, Mesu, Madai, Cizilbunda, Munna (= Мана), Parsua, Allabria, Abdani и др. (IR, 35, № 1, стк. 5—8; ARAB, I, 739). Упоминаемая в надписях этих ассирийских царей страна Mes (Mis) —i/a, и, несомненно, находится в связи с засвидетельствованной в надписях Саргона манейской областью Missi. До Саргона эта страна Mes (Missi) упоминается самостоятельно от Мана, часто рядом с ней (так, например, у Шамшадата V: монолит, кол. II, стк. 34 сл.; ARAB, I, 718; у Ададнирари III — IR, 35, № 1, стк. 7—8; ARAB, I, 739). Возможно, лишь в позднюю эпоху удалось правителям Мана присоединить к своему царству эту Missi-Mesa/i (или ее часть).

¹ Вопрос о маршруте 8-го похода царя Саргона детально рассматривается в книге Б. Б. Piotrovskogo, История и культура Урарту, 1944, стр. 119 сл.

² Анналы Ашурбанипала (изд. Pierkorna, стр. 52—55).

Русе II, сыну Аргишти (685—645)¹. Правитель находящейся в Закавказье, в районе современного города Ленинанкан, области (Iškigulu) оказывается в каких-то сношениях со страной Мана. Возможно, это обстоятельство говорит о значительном распространении Манейской страны в северном направлении.

Об этнической принадлежности населения страны Мана можно сказать очень немного. По этому вопросу единственным источником нашей информации является ономастический материал, имеющий отношение к этой стране. В специальной литературе, в том числе и в сравнительно новых работах, часто можно встретить мнение, что народ Мана — иранское племя, что манейцы родственны мидийцам и т. п. Это ошибочное положение основано на нескольких именах лиц, имеющих отношение к Мана (Bagdatti, Daiukku). Но важно отметить, что в самом манейском царском доме имена иранского происхождения не встречаются; как Bagdatti, так и Daiukku являются правителями периферийных областей страны Мана и враждебно настроены против царского дома. Но имя одного из этих двух правителей, а именно Daiukku (Daiukki), повидимому, не является иранским, несмотря на то, что его носит один из первых мидийских царей (Дейок); скорее, здесь перед нами широко распространенное хурритское имя Taiuki, которое, между прочим, часто встречается среди хурритского населения города Nuzi (современный Керкук) в середине II тысячелетия и которому можно подобрать хорошую хурритскую этимологию². Конечно, то, что Daiukku или какое-нибудь иное имя — по своему происхождению хурритское, вовсе не исключает того, чтобы в эпоху Саргона носитель такого имени по своей племенной принадлежности был иранцем, но само имя, как мы видим, об этом ничего не говорит. Имена всех других лиц, имеющих отношение к Мана, в том числе и имена всех представителей правящей в Мана династии (Ualki, Iranzu, Aza, Ullusunu, Ahšeri, Ualli, Erisinni), не являются ни иранскими, ни семитскими; некоторым из них можно подыскать хурритскую этимологию, например имени царя Ahšeri (Ah-šeri и особенно Erisinni (ср. в хурритских именах Nuzi: Irišenni). Такое же положение имеем мы и в топонимике. Огромное большинство названий манейских местностей не является ни иранским, ни семитским, а носит «азианический» облик. Встречаем мы здесь названия явно хурри-урагского характера (таково, например, название одной крепости манейцев — Sinihini) ЛТ, стк. 35 = ARAB, II, 144). Рядом с этим можно и в топонимике указать на несколько названий, имеющих иранский облик. Так, например Ашурбанипал упоминает, как одну из областей Мана, Erišteiana³. Это, повидимому, то же самое название, что и название одного города мидийцев — Erištana⁴, и содержит иранское «stana...» Возможно, что в состав Манейского царства временами попадали те или иные иранские племена. Несомненно, что во всяком случае в VIII—VII вв. «азианическое» население Мана окружено (особенно с юга и с востока) иранскими племенами. Население страны Мана, вне всякого сомнения, находилось в интенсивных сношениях с этими соседними иранскими племенами; часто имели место, вероятно, и военные столкновения между ними, что приводило временами к политическому подчинению то одной, то другой стороны. Этими (и многими другими) путями открывалась

¹ C. F. Lehmann, Bericht über die Ergebnisse der von Dr. W. Belck und Dr. C. F. Lehmann 1898/99 ausgeführten Forschungsreise in Armenien, надпись № 135 (SBPAW, 1900, I Halbband, Phil.-Hist. Kl. стр. 619—633).

² J. Gelb, P. Purves, A. Macrae, Nuzi Personal Names, Chicago, 1943, стр. 261, 270—271.

³ Анналы Ашурбанипала (изд. Рёркогн'а стр. 52—53; ARAB, II, 853).

⁴ «Резюме» — надпись Саргона II, стк. 67 (ARAB, II, 58).

дорога не только разным влияниям, но также и процессу этнического смешения. Несомненно, процесс иранизации манейского населения начался уже в ассиро-урартскую эпоху. Возможно, такое же положение мы имеем и в соседней с Мана стране Zikirtu, которую в эпоху Саргона манейские цари рассматривают как часть своего царства: в топонимике Zikirtu вовсе не встречаются иранские названия, но имя царя этой страны (в эпоху Саргона) — Mitatti, возможно, иранское; имя народа Aṣagarta — Σαχάρτιοι, засвидетельствованное в древнеперсидских и древнегреческих источниках, возможно, находится в связи с именем народа Zikirtu. Aṣagarta — Σαχάρτιοι же были, повидимому, иранцами или, по крайней мере, иранизированными «азианитами». Иранизация населения Мана — Зикирту особенно быстрыми темпами пошла, вероятно, после того, как эта территория вошла в состав сперва Мидийского царства, а потом империи Ахеменидов. В эту эпоху, эпоху мидо-персидской гегемонии, значительная часть манейского народа, повидимому, входит в состав иранских племен, претерпевает полную ассимиляцию с ними.

* * *

Первые сведения о стране Мана мы находим в надписях ассирийского царя Салманасара III (860—825). Ассирийское войско попадает в Мана в первый раз на 16-м году царствования Салманасара (ARAB, I, 637), а потом на 30-м году царствования того же царя. Ассирийские надписи сообщают некоторые подробности этого последнего похода: манейский царь Ualki не покоряется ассирийцам, оставляет свой «царский город» Zirta и укрывается в горах¹. Может быть, не случайно, что Манейское царство в первый раз выступает в это время, может быть, именно в эту эпоху происходит формирование крупных объединений манейских племен в приуррийском районе. Определенный толчок к образованию этих крупных объединений, возможно, дало, с одной стороны, резкое усиление ассирийской экспансии, которое наблюдается в эту эпоху в связи с новым укреплением Ассирийской державы, а с другой стороны, образование крупных государственных и племенных объединений в самой Наири (Урартское царство, царство Наири-Хубушкиа и др.), которые становятся не меньшей, чем Ассирия, угрозой для соседних, в том числе и манейских, племен. В эпоху Салманасара III столицей Манейского царства является город Zirta (Zerta), который остается столицей в продолжение последующих веков: в надписях ассирийских царей после Салманасара III этот город в написании Izirtu (Izerta) многократно упоминается как царский город того или иного манейского царя². Повидимому, это крупное объ-

¹ Обелиск, стк. 159 сл.

² В Манейском ономастиконе мы имеем и другие примеры потери начального гласного: так, например, город Zibia (Саргон II, Анналы, стк. 61; ARAB, II, 10), несомненно, тот же город, который в других местах упоминается как Izibia («Резюме» — надпись Саргона, стк. 41; ARAB, II, 56) или Uzbia (изд. P i e r k o r n ' a, стр. 52—53; ARAB, II, 851); кроме того, нам кажется, что распространенное в манейском царском доме имя (или титул) Aza (Azu) должно происходить от касситского титула ianzi («царь»). Что касается окончания этого названия, местной формой, по всей вероятности, является -ta. Izirtu — аккадизированная форма (снабженная знаком аккадского Nominativ'a «и»). Та же основа, которая дана в названии Zirta-Izirtu, по всей вероятности, налицо и в названии одной крепости манейского царя Ullusunu Zirdiakka — Sirdakka (ЛТ, 52, 71, 74; ARAB, II, 148, 149, 150). Возможно, упоминаемый в урартских источниках как «царский город» страны Мана Sisirihadiri также содержит эту основу (ZA, 14, стр. 138). Интересно, что перед нами в источниках колебание между «z» и «s» при передаче начального звука этого названия; в других местах источников также по отношению к названиям местностей Мана встречается колебание между «d» и «z», имеем написания Durdukka (Саргон, Анналы, стк. 32; ARAB, II, 6) и Zurzukka («Резюме» — надпись Саргона, 48,

единение манейских племен образовалось под гегемонией правителей этого самого Zirta-Izirtu.

Некоторые данные ассирийских источников позволяют нам утверждать, что в эту эпоху в приурмийском районе мы имеем дело не с одним, а с несколькими крупными объединениями манейских племен. Определенные манейские родоплеменные единицы, повидному, остались вне того объединения манейских племен, во главе которого стали правители города Izirtu (Zirta). Интересно в этом отношении одно свидетельство надписей того же Салманасара III: из владений манейского царя Ualki этот ассирийский царь переходит во владения правителя страны Harruna (?) Sulusu. В царствование Саргона II в Мана царствует некий Ullusu, к имени которого, как мы видим, очень близко стоит имя этого соседнего с Мана правителя — Sulusunu. Вероятно, и этот последний принадлежал к тому же культурно-этническому миру, к которому принадлежали правители города Izirtu. Так что в это время, возможно, мы имеем не одно, а несколько крупных объединений манейских племен; между ними, конечно, происходила борьба за гегемонию, существовал определенный антагонизм. Может быть, это явление обнаруживается и в факте различного отношения царей Ualki и Sulusunu к вторгшимся в их страну ассирийцам: в то время как Ualki (вождь более сильного объединения) обнаруживает непримиримость, не покоряется ассирийцам, Sulusunu покоряется им, становится их данником и с их санкции утверждает за собой управляемую им страну.

Возможно, с этой же точки зрения можно привести и пример страны Mesi — Misa, и. Выше мы уже отметили, что в надписях Ашурнасирпала II, Салманасара III, Шамшиадада V, Ададнирари III упоминается страна (иногда также город, крепость), носящая это название (см. об этом выше, стр. 58, прим. 5). Эта страна кажется вполне самостоятельной от Мана, в надписях Шамшиадада V и Ададнирари III, в частности, рядом друг с другом упоминаются страны Mesu и Мана. Можно думать, что здесь мы имеем дело с той же единицей, которая в форме Missi упоминается в царствовании Саргона как одна из периферийных областей страны Мана. Выше мы пришли к выводу, что на территории этой Missi должен был находиться город Mista, название которого, повидному, произведено с тем же суффиксом (ta), который встречаем в названиях столицы Мана — Zirta (Izirta) и столицы Zikirtu — Parda. И это обстоятельство, возможно, указывает на то, что население Misi (Mesi) было также манейским или же этнически близко стояло к нему. И это объединение, как видим, в раннюю эпоху находится вне объединения манейских племен, образовавшегося под гегемонией правителей Zirta (Izirtu), и лишь в позднюю эпоху попадает в состав этого объединения. Таким образом, в раннюю эпоху, например в эпоху Салманасара III, мы, как уже было отмечено, имеем дело с несколькими крупными объединениями манейских племен. Этим объединениям приходится вести борьбу не только с Ассирией или с Урарту, но, несомненно, они ведут борьбу также между собой. Успех в этой борьбе, как мы узнаем из позднее засвидетельствованного положения, был на стороне царей Izirtu. Им удается значительно расширить пределы своего царства, удается присоединить много соседних манейских или не-манейских политических образований.

После Салманасара III соотношение сил между могущественными соседями Мана — царством Урарту и Ассирией чувствительно меняется

ARAB, II, 56). Эти факты, повидному, указывают на то, что в произношении во всех этих случаях мы имели какие-нибудь местные аффрикаты, звуки, чуждые ассирийской фонетике.

в пользу Урарту. Ассирия слабеет, а для Урарту начинается период наибольшего могущества, продолжавшегося несколько десятилетий (конец IX в. и первая половина VIII в. до н. э., эпоха царей Менуа, Аргишти I, Сардура II). В эту эпоху главным врагом Манейского царства является не Ассирия, а Урарту. Лишь при непосредственных преемниках могучего Салманасара — при Шамшиададе V (825—812), а также в правление царицы Шамурамат (812—803) и царя Ададнирари III (812—783) в ассирийских источниках встречаются некоторые лаконические сведения насчет ассирийской активности в районе Манейского царства¹, после же этого ассирийские источники долго ничего не говорят о стране Мана. Ассирийцы в это время основательно были вытеснены из юго-восточных (как и из других) районов Наири урартийцами. В урартских же источниках в эту эпоху особенно частым становится упоминание страны Мана. Надписи Менуа, Аргишти I, Сардура II полны описаниями походов в страну Мана. Особенно интенсивной кажется борьба между Урарту и Мана в царствование Аргишти I, когда, как мы узнаем из анналов этого царя, урартийцы почти каждый год шли походом против Мана. Обращает внимание также то, что эти частые экспедиции против Манейской страны, повидимому, были сравнительно большого масштаба. На это указывают огромные цифры убитых манейских воинов, а также захваченных в Мана пленных и разной добычи, если бы даже допустить, что эти цифры содержат определенное преувеличение (в анналах царей Аргишти и Сардура упоминаются десятки тысяч убитых или захваченных пленных манейских воинов и десятки тысяч захваченного в Мана мелкого и крупного рогатого скота, коней, верблюдов и т. д.). Урартийцы не только опустошают страну манейцев, уносят добычу, уводят пленных, обязывают местное население платить дань и т. п., но уже с ранних времен стремятся к присоединению отдельных районов Мана. В надписи Таш-тепе (CICH, 20), где царь Менуа говорит о завоевании страны Мана и города Meišta, упоминается также построение (вероятно, в районе завоеванного Meišta) крепости, цитадели (EKALLU). Видно, что урартийцы стараются утвердиться в этом пограничном районе страны Мана: строят крепость, оставляют урартский гарнизон и т. п. Наследник царя Менуа на урартском престоле, Аргишти I, при изложении событий одного своего похода в Мана также упоминает построение (вероятно, на завоеванной, отнятой у манейского царя, территории) города Argištihinili (S a u s e, 40 : 72).

Урартийцы, по всей вероятности, теснили страну манейцев не только со стороны территории, лежащей южнее Урмийского озера. Если правильна локализация маршрута 8-го похода царя Саргона, предложенная Тюро-Даниженом, в частности, если манейские области Subi, Uišdiš и др. являлись северными районами Мана и находились восточнее и северо-восточнее Урмийского озера, то ясно, что присоединение этих манейских областей к Урарту произошло вследствие урартской экспансии вдоль северных побережий Урмийского озера².

Эта продолжавшаяся почти целое столетие борьба между могучим

¹ Во время одного своего похода в северо-восточном направлении Шамшиадад V получает дань от страны манейцев (ARAB, I, 718); в правление царицы Шамурамат в списках эпонимов (limpu) несколько раз упоминается поход против страны Мана (ARAB, II, 1198); Ададнирари II же в одном месте своих надписей, между прочим, называет себя завоевателем страны Мана (Munna) (ARAB I, 739).

² В эпоху Саргона, как известно, и Uišdiš и Subi находятся уже в пределах Урартского царства: Саргон II говорит, что манейскую область Uišdiš захватил царь Урарту — Урса (ЛТ, стк. 91; ARAB, II, 152), лежащая же еще севернее манейская область Subi, которая, возможно, лишь этнически была манейской, политически же никогда и не подчинялась властителям Izirtu, повидимому, уже издавна находится в пределах Урартского царства (ЛТ, стк. 167 сл.: ARAB, II, 158).

Урарту и страной Мана привела не только к потере Манейским царством некоторых территорий, но под влиянием этих событий начался распад самого объединения манейских племен, образовавшегося под гегемонией Izirtu. Благодаря неудачам в борьбе с Урарту сильно пошатнулись позиции Izirtu как гегемона всего объединения манейских племен. Борьба за гегемонию приобретает отныне еще более острый характер. От царей Izirtu стали отпадать многие крупные единицы этого объединения. По-видимому, даже тогда, когда руководящие позиции Izirtu внутри объединения были еще прочными, это объединение не представляло собой тесно сплоченный организм; отдельные составные части этого объединения в своей внутренней жизни продолжали жить самостоятельно. Все это создало благоприятную обстановку для быстрого распада. Из источников эпохи Саргона (722—705) мы узнаем, что процесс такого распада уже далеко продвинулся вперед. Мана, т. е. территория, находящаяся еще во владении царей Izirtu, в эпоху Саргона II окружена с многих сторон враждебно настроенными образованиями. К северу от Мана (восточнее Урмийского озера) мы находим страну Uišdiš, правитель которой Bagdatti в 716 г. активно участвует в нанесении поражения Манейскому царству и убийстве манейского царя Aza¹. В этих событиях участвует также правитель страны Misiandu. Южнее Мана находилась Bit-Daiukki — страна правителя Daiukku, имя которого мы встречаем в событиях 715 г.: он, по-видимому с помощью урартского царя, присваивает определенную территорию Мана (22 крепости)². К востоку от Мана же находились страны Zikirtu и Andia, которые в эпоху Саргона кажутся самыми непримиримыми врагами Манейского царства. Правители всех этих соседних, враждебно настроенных к Мана стран в эпоху Саргона вовсе не кажутся в какой-нибудь политической зависимости от царей Izirtu. Некоторые из них, напротив, являются более сильными властителями, чем цари самой Мана. Таков, в первую очередь, царь страны Zikirtu — Mitatti: характерно, например, что в 719 г., вняв его увещаниям, города Suandahul и Durdukka, находившиеся во владении манейского царя Iranzu, отпали от Мана; царь Zikirtu послал им на помощь свою пехоту и конницу; очевидно, что даже при отсутствии непосредственного вмешательства урартийцев на стороне своего вассала — царя Zikirtu, царь Мана не в состоянии справиться с положением и «усмирить» отпавшие города, которые поддерживает войско царя Zikirtu. Iranzu вынужден призвать на помощь своего сюзерена. Саргона II, и только с его помощью ему удается восстановить свои позиции³. Также, по-видимому, не без непосредственного участия урартских войск, правителям Zikirtu, Uišdiš и Misiandu удается к 716 г. нанести решительное поражение царю Мана — Aza и убить его. На манейский престол они возвели брата убитого Aza — Ullusunu, которого, по всей вероятности, заставили дать клятву на верность урартскому царю⁴. Итак, несомненно, что в эпоху Саргона цари Izirtu не в состоянии были собственными силами противостоять беспокоящим их соседям, часто и тогда, когда эти последние выступают без непосредственной поддержки

¹ «Резюме» — надпись Саргона II, стк. 36 сл. (ARAB, II, 56).

² Анналы, стк. 75 сл. (ARAB, II, 12); «Резюме» — надпись Саргона, стк. 44 (ARAB, II, 56). Вполне возможно, что владением этого Daiukku, как не раз отмечалось разными исследователями, являлась именно та территория, которая в событиях 9-го года царствования Саргона II упоминается под названием Bit-Daiukki (Анналы, стк. 139 сл. ARAB, II, 23). Здесь, несомненно, дело касается южной периферии страны Мана, территории, находящейся южнее Урмийского озера, вблизи Ассирии (Саргон II, завоевав упоминаемые 22 крепости, включает их в пределы своего царства).

³ Анналы, стк. 32 сл. (ARAB, II, 6); ср. «Резюме» — надпись Саргона, стк. 48, 57 (ARAB, II, 56).

⁴ «Резюме» — надпись Саргона, стк. 36 сл. (ARAB, II, 56).

урартийцев. Именно на фоне такого положения приобретает большой интерес тот факт, что правители всех этих беспокоящих Мана соседних областей (Zikirtu, Uišdiš, Misiandu, Bit-Daiukki) в надписях Саргона рассматриваются как мятежники, непокорные слуги манейских царей. Победителей манейского царя Aza — правителей Zikirtu, Uišdiš и Misiandu Саргон называет «великими наместниками манейского царя — amēl šaknūti māṭ Mannai rabūti¹, Daiukku тоже, согласно Саргону, «манейский наместник» — amēl šaknu māṭ Mannai (Анн., стк. 76 = ARAB, II, 12), а по адресу царя Zikirtu — Mitatti (который по своей силе, как выше было отмечено, намного превосходил царей Мана), у Саргона сказано, что он отпал от манейского царя Ullusunu, своего господина, отверг его службу (ЛТ, стк. 80 = ARAB, II, 151) и т. д. (на самом деле, как выше было отмечено, сам Ullusunu был возведен на манейский престол царем Zikirtu и его союзниками). По отношению же к стране Uišdiš Саргон говорит, что это манейская область, захваченная царем Урарту — Урсой (ЛТ, стк. 91 = ARAB, II, 152) и т. п. Конечно, Саргон во всех этих случаях повторяет претензии манейского царского дома. Эти претензии, возможно, являются отзвуком старого положения, когда объединение манейских племен, существовавшее под гегемонией царей Izirtu, включало в себя все эти, теперь уже ставшие независимыми от манейских царей, крупные единицы.

Происходящая внутри манейского объединения борьба тесно переплеталась с борьбой иностранных держав, Ассирии и Урарту, за район Манейского царства; в эпоху своего могущества, когда цари Урарту ведут постоянные и успешные войны с Манейским царством, урартские правители, вероятно, всеми силами поощряли партикуляристические тенденции среди манейского объединения; поэтому в конце концов все отпавшие от царского дома Izirtu крупные члены манейского объединения подпадают под покровительство урартских царей. В эпоху Саргона, во всяком случае, все эти Zikirtu, Uišdiš, Bit-Daiukki, Misiandu и др. постоянно пользуются урартской поддержкой. При таких обстоятельствах царский дом Izirtu определенно берет ориентацию на поддержку Ассирии, тем более, что с середины VIII в. такая ориентация на Ассирию уже имеет определенные перспективы. Начиная с царствования Тиглатпаласара III (745—727) Ассирия, как известно, выходит из периода слабости, продолжавшегося несколько десятков лет; в борьбе с Урарту Тиглатпаласару удается достичь больших успехов: его войска оказываются даже перед воротами столицы Урартского государства. Отныне и в юго-восточных районах Наири урартская экспансия встречает сильный отпор со стороны усилившейся Ассирии. Как мы узнаем из документов времени Саргона, позиции Урарту становятся шаткими даже в Мусасире. Возможно, что в это время цари Мана признают свою зависимость от ассирийских царей, так как уже в начале царствования Саргона II (722—705) царь Мана — Irganzu является подданным ассирийцев (Анн., стк. 32 сл. = ARAB, II, 6).

Известно, что в эпоху царя Саргона главной ареной соперничества между Ассирией и Урарту является именно район Манейского царства. В этой борьбе активно участвуют и местные силы: царский дом Izirtu стоит на стороне Ассирии, а все отпавшие от него «страны» (среди них самые значительные: Zikirtu и находящаяся, по видимому, под его политическим влиянием страна Andia)² — на стороне Урарту. Борьба идет

¹ «Резюме» — надпись Саргона, стк. 37—38 (ARAB, II, 56); ср. Анналы XIV зала, стк. 47—48; Анналы, стк. 53 (ARAB, II, 10)

² Страна Andia, так же как и Zikirtu, находилась восточнее Мана. У Аладнирари III Andia упоминается как далекая страна, находящаяся по направлению к «великому

с переменным успехом. Одно время урартской партии удается добиться решительной победы: поощряемые урартским царем правители стран Uišdiš, Zikirtu и Misiandu восстают против вассала ассирийцев — манейского царя Aza, побеждают и убивают его¹. На манейский престол они посадили брата убитого манейского царя — Ullusunu, которого, повидимому, заставляют дать клятву преданности по отношению к Урарту. Это означало ликвидацию ассирофильского Манейского царства. Но в то же время это означало, несомненно, и конец гегемонии правителей Izirtu в районе старого объединения. Эта гегемония переходит в руки восставших областей, в первую очередь в руки сильного царя Zikirtu. Все это, очевидно, хорошо понимал царь Ullusunu, и вскоре, как только встретился случай, он поспешил возвратиться к политике своих предков — к ассирийской ориентации.

Позиции урартских царей в районе Мана были так сильны, что здесь часто даже без непосредственного вмешательства урартских вооруженных сил успешно отстаивались урартские интересы. Этого нельзя сказать по отношению к Ассирии; находившийся под ее покровительством манейский царский дом своими собственными силами не был способен справиться даже с несколькими отпавшими от него городами, которые поддерживали войска Zikirtu. Для защиты ассирийских позиций Саргону приходилось систематически совершать походы в Мана. Такие экспедиции имели место в 719, 716, 715 и 714 гг. Особенно роковым для Урарту и его союзников, как известно, был 8-й поход Саргона (714 г. до н. э.). После тяжелых поражений, нанесенных во время этого похода Урартскому государству, Урарту становится второстепенным государством. Таким образом Мана была избавлена от опасного соседа. С помощью Саргона манейским правителям удается достичь некоторого расширения своих владений: Саргон отмечает, что он вернул царю Ullusunu манейскую область Uišdiš (Анн., стк. 110—111 = ARAB, II, 20), захваченную у манейцев урартским царем (ЛТ, стк. 91 = ARAB, II, 152). Саргон считает также законными претензии царей Мана на страну Zikirtu (ЛТ, стк. 80 = ARAB, II, 151) и т. д. Благодаря победам Саргона, вероятно, территория всех этих Zikirtu, Andia и др. или же значительная часть их в самом деле снова попадает во владение царей Izirtu. Таким образом, благодаря союзу с Ассирией правители страны Мана значительно расширяют границы своего царства, укрепляют свои пошатнувшиеся позиции внутри объединения манейских племен.

Усилившееся в эпоху Саргона Манейское царство лишь очень недолго остается лояльным по отношению к Ассирии. Уже очень скоро Мана начинает стремиться к освобождению от ассирийской зависимости и связанных с этим обязательств (ассирийцы, по всей вероятности, наложили на манейцев, между прочим, и обязательство платить дань)². Вскоре после Саргона Мана уже не признает себя подчиненной Ассирии, не платит дани и, наоборот, начинает теснить Ассирию. Уже Синахериб (705—681) жалуется, что манейский народ не был покорным его ярму. Он хвастается тем, что этих непокорных манейцев он увел из их страны (речь идет об уводе пленных в рабство) и заставил таскать кирпичи, т. е. работать на строительстве³.

морю восходящего солнца» (= Каспийское море) (IR, 35, № 1, стк. 9 сл.; ARAB, I, 739). Население этой страны, возможно, этнически близко к хурритам, если судить по имени царя Andia — Telusina, которое, очевидно, хурритское.

¹ «Резюме» — надпись Саргона, стк. 36 сл. (ARAB II, 56).

² Саргон II в событиях 9-го года своего царствования упоминает о получении им дани от царя Мана — Ullusunu (Анн., 165—168; ARAB, II, 24).

³ D. D. Luckenbill, The Annals of Sennacherib, 1924, стр. 95, 104 (ARAB, II, 364, 383).

Существовавшая в эту эпоху вражда между Ассирией и Мана часто упоминается в исторических надписях ассирийских царей и в других документах: так, например, в письме Nabû-rimani (имя которого встречается в документах между 686 и 653 гг.), адресованном к ассирийскому царю (Асархаддону или Ашурбанипалу), говорится, что у посланцев народа Zalira при проходе манейской территории манейцы отняли коней, которых те вели в качестве дани в Ассирию (WRCAE, № 165).

Характерно, что в продолжение VII в. Мана в ассирийских источниках часто упоминается в связи с киммерийцами или скифами. Из религиозных текстов эпохи Асархаддона мы узнаем, что против Ассирии создается крупная коалиция во главе с Kašariti (правитель Kar-Kašši в центральном Загре), в которой мы, наряду с мидийцами, киммерийцами и некоторыми другими народами, видим также и манейцев (K n u d t z o n, Gebete, № 1—15.). Одно письмо Куюнджикского архива (WRCAE, № 112) как будто содержит упоминание о походе киммерийцев на Урарту из страны манейцев (если правильно восстановление названия страны «Мана»; оно восстанавливается здесь по одному лишь сохранившемуся окончанию). Из другого письма того же архива (WRCAE, 1237), которое адресовано к Асархаддону, мы узнаем, что киммерийцы активно вмешиваются в происходящую между Ассирией и Мана борьбу на стороне последней. Это обстоятельство было налицо и тогда, когда Асархаддон (681—668) посылал карательную экспедицию против манейского царя Ahširi (K n u d t z o n, Gebete, № 24), с которым впоследствии пришлось вести борьбу и преемнику Асархаддона — царю Ашурбанипалу. В своих анналах Асархаддон хвалится тем, что он рассеял непокорных манейцев, а также одолел скифа Išpakaī, союз с которым не спас их (манейцев) от поражения (ARAB, II, 533). Как мы узнаем из вопросов к богу Шамашу, часть скифов во время Асархаддона жила и на территории страны манейцев (K n u d t z o n, Gebete, № 35). Правители Мана, по видимому, не только не враждуют с вторгшимися с севера скифами и киммерийцами, но и делают их своими союзниками, поселяют их в пределах своего царства и стараются использовать их против своих внешних и внутренних врагов. По видимому, именно благодаря этому союзу со скифами и киммерийцами цари Мана не только в состоянии эффективно защищаться от Ассирийского государства, находящегося в зените своего могущества, но даже сами теснят Ассирию и отнимают у нее ряд территорий. Ашурбанипал, например, жалуется, что во время царей, его предков, манейцы не платили дани¹ и что они захватили у Ассирии Sarru-ikbi и несколько других городов².

В начале своего царствования Ашурбанипал (668—624) устраивает большой поход против Мана³, где царствует тот же Ahšeri, имя которого упоминалось еще в памятниках времени Асархаддона. Ассирийцы одерживают победу, овладевают многими населенными пунктами, в том числе и столицей Izirtu, захватывают много добычи, пленных и т. д. Этим поражением Ahšeri воспользовались определенные круги манейского населения, которые, по видимому, по разным причинам были недовольны правлением этого царя. Возможно, что одной из причин недовольства манейцев своим царем было увлечение манейских царей союзом со скифами и киммерийцами, поселение этих последних на манейской земле (что, может быть, принесло чувствительный вред определенной части населения) и т. п.

¹ Изд. Piérkorn'a, стр. 54—55 = ARAB, II, 786.

² Изд. Piérkorn'a, стр. 52—55 = ARAB, II, 853. Ср. Knudtson, Gebete, № 16, 19, 150 и др.

³ Изд. Piérkorn'a, стр. 50 сл. = ARAB, II, 786, 851 сл.

Ашурбанипал рассказывает, что против *Ahšeri* восстал народ его же страны; *Ahšeri*, вся его семья и братья были убиты. На манейский престол садится сын этого *Ahšeri* — *Ualli*, который, повидимому, коренным образом изменяет внешнюю политику своих предшественников: покоряется ассирийцам, посылает в Ниневию заложником своего сына *Egisinni*, а в гарем Ашурбанипала свою дочь. Ассирийцам он доставляет старую дань, которую во времена предшественников Ашурбанипала манейцы не посылали ассирийским царям. Ашурбанипал отмечает, что он прибавил еще 30 коней к старой дани (ARAB, II, 786).

Мы почти ничего не знаем об отношениях между Мана и Урарту в эпоху после царствования Саргона II. Повидимому, в это время роли переменялись, и наступающей стороной стала Мана. Упоминание страны Мана в письме царя Ишкигулу (район современного города Ленинкакан), адресованном к урартскому царю Русе II, сыну Аргишти (*Bericht*, 135), свидетельствует, возможно, что манейская территория, во всяком случае в эту позднюю эпоху, была распространена довольно далеко на север. Вероятно, цари Мана чувствительно расширили территорию своей страны за счет территории Урарту¹.

После Ашурбанипала в отношениях между Ассирией и Мана наступает новая перемена. В это время создается коалиция Мидии и халдейского Вавилона, направленная против Ассирии. Для Мана теперь более грозным врагом, чем Ассирия, находящаяся на пороге своего падения, стала соседняя Мидия. Поэтому не удивительно, что в это время мы встречаем манейцев в качестве союзников ассирийцев (и Египет, как известно, в это время также изменил свое отношение к Ассирии): вавилонская хроника рассказывает, что в 10-м году царствования царя Вавилона Набупаласара у города *Kablini* вавилонский царь одолел ассирийское войско. Здесь же он захватил много пленных, в том числе и манейцев, пришедших на помощь ассирийцам.

После падения Ассирийской империи (конец VII в.) ее территория, как известно, была разделена между Мидией и Вавилоном; территория Манейского царства в это время, несомненно, попадает в пределы Мидийского царства, а впоследствии, когда Персия кладет конец независимости Мидии, народ Мана также входит в состав Ахеменидской империи. Эти события, по всей вероятности, очень ускорили процесс иранизации населения страны Мана. Значительная часть манейцев, вероятно, постепенно подвергается полной ассимиляции с иранскими племенами.

* *
*

Очень немного можно сказать о вопросах экономической и социальной жизни манейского народа. Можно привести довольно большой материал из ассирийских и урартских источников², свидетельствующий

¹ На востоке манейская экспансия, повидимому, имела определенные успехи и по направлению мидийских земель: Саргон II упоминает город *Erištana*, находящийся на территории мидийской области *Va'it-ilī* («Резюме» — надпись Саргона, 67—68; ARAB, II, 58). Может быть, упоминаемая у Ашурбанипала на территории Мана область *Erišteiana* (изд. *Pierkon'a*, стр. 52—53; ARAB, II, 853) идентична с районом этого самого города. О большом значении Манейского царства в эту эпоху (VII в. до н. э.) говорит, между прочим, и упоминание его в Библии рядом с царствами Арарата (Урарту), Ашкеназа (скифов) и мидийцев (*Иеремия*, 51, 1—2, 27—28; ср. ВДИ, 1947, № 1, стр. 273).

² См. особенно данные отчета VIII похода Саргона II (*Fr. Thureau-Dangin*, *Une Relation de la Huitième Campagne de Sargon*; ARAB, II, 140—178) и annalов урартских царей Аргишти I (*Sayce*, 37—44) и Сардура II; определенные сведения находим мы также в annalax Саргона (ARAB, II, 24) и в надписях Салманасара III (Изд. *Amiaud et Scheil*, стр. 68—69; ARAB, I, 587) и Ашурбанипала (Изд. *Pierkon'a*, стр. 50 сл.; ARAB, II, 786, 851).

о том, что у манейцев сильно было развито как земледелие, так и скотоводство. Из видов скотоводства особенно развитым кажется коневодство; что же касается земледелия, то можно обратить внимание на то, что в Мана, повидимому, были широко развиты такие передовые отрасли земледелия, как виноградарство и садоводство; это свидетельствует о том, что в хозяйственном отношении народ Мана стоял на довольно высокой ступени развития.

Население Мана ведет оседлую жизнь. В продолжение веков один и тот же пункт (город Zirta-Izirtu) остается столицей Манейского царства. Кроме того, ассирийские и урартские источники упоминают на территории Мана много разных «городов»: Саргон II, например, хвастается тем, что он в манейской области Uišdiš захватил много городов, которым, как звездам, не было счета (ЛТ, стк. 163—164 = ARAB, II, 157). Под этими «городами» (âlu) ассирийских источников, конечно, подразумеваются вообще всякие населенные пункты, независимо от их величины и значения. Но и ассирийские источники часто проводят различие между этими населенными пунктами, называя одни «укрепленными, обнесенными стенами городами» (âlâni dannuti bit dûrâni), а другие — мелкими, неукрепленными городами (âlâni sihîrûti ša limêtîšunu), «мелкие города их [=укрепленных городов] окрестностей». Ашурбанипал вблизи столицы Мана, города Izirtu, захватывает укрепленные города манейского царя вместе с (другими) бесчисленными «городами»¹; в стране Zikirtu Саргон II завоевал 12 «укрепленных, обнесенных стенами городов» вместе с 84 другими городами их окрестностей (ЛТ, стк. 89 = ARAB, II, 151); царь Урарту Сардур II во время своего похода в страну Мана захватывает «укрепленные цитадели», крепости (ĒKALLU^{pl} agununili manuli и ĒKALLU agununi manu; в текстах Саргона говорится о 22 манейских крепостях (ARAB, II, 12, 56), и в других местах многократно упоминаются отдельные крепости манейцев (ARAB, II, 125, 150, 786, 851). Ассирийцы часто хвастаются разрушением укреплений, стен, тех или иных городов манейцев (ЛТ, 163—165 = ARAB, II, 157) т. д. Обращает внимание то обстоятельство, что при описании захвата и разорения «укрепленных, обнесенных стенами городов» в районе Мана, так же как и в других «странах Наири», ассирийцы отмечают, что были разрушены крепостные стены этих городов, дома же, находящиеся внутри этой ограды, были преданы огню². Что касается «городов» второго типа, мелких неукрепленных населенных пунктов (âlâni sihîrûti ša limêtîšunu), то в отношении их обыкновенно упоминается лишь сожжение³. Это заставляет нас думать, что в этих случаях ассирийцы имели дело только с жилищными и хозяйственными сооружениями. Укрепления огромного большинства «городов» типа âlâni dannuti bit dûrâni состояли главным образом в той ограде, которая была вокруг них, а «города» типа âlâni sihîrûti ša limêtîšunu были вообще лишены всяких оборонительных сооружений.

Интересно, что такой же трафарет при описании захвата этих двух типов населенных пунктов имеем мы и в урартских памятниках. И урартские источники, конечно, употребляют идеограмму «ĀLU» для обозначения всяких населенных пунктов, но в определенных случаях в урартских текстах идеограмма «ĀLU» («город») употреблена в противопоставлении

¹ Анналы Ашурбанипала, изд. Pierkon'a, стр. 50—51 (ARAB, II, 786, 851).

² См. например: ЛТ, стк. 89—90 (ARAB, II, 151), 179—181 (ARAB, II, 158), 194—196 (ARAB, II, 159).

³ См. например: ARAB, I, 598 (Салманасар III, Монолит, кол. I, стк. 24—25); ЛТ, стк. 182 (ARAB, II, 158), 198 (ARAB, II, 159), 268 (ARAB, II, 164).

идеограмме ÊKALLU («дворец»). В таких случаях ÊKALLU употребляется в значении «цитадель, крепость» (иногда ему сопутствует эпитет *agununi manu* «укрепленный» — ср. ассир. *âlâni dannuti bit dûrâni*), ÂLU же в значении «мелкий населенный пункт». В то время как ÊKALLU урартские цари, как правило, разрушают (*harharšu-*), ÂLU они передают огню (*amaštu-*); про действия на территории Мана Сардур II, например, говорит: III ÊKALLU¹ *agununili manuli gunuša haubi XXXIII ÂLU¹ I û-ME-ni ašgubi ÊKALLU¹ harharšubi ÂLU¹ ŠARÂPU-bi* — т. е. «3 крепости («укрепленные дворцы») с боем я взял, 23 населенных пункта («города») в один день я захватил, крепости (ÊKALLU¹) разрушил, населенные пункты же (ÂLU¹) предал огню»¹.

Таким образом, из письменных источников мы видим, что территория Манейского царства, так же как и вообще территория Напри-Урарту этой эпохи, была покрыта укрепленными, обнесенными стенами пунктами, вокруг которых было разбросано множество мелких, лишенных всяких укреплений поселений. Укрепленные пункты представляли собой места укрытия для населения (и его имущества, главным образом, скота) во время войны. Огромное большинство этих укрепленных пунктов, конечно, не представляло ничего значительного: здесь мы, по всей вероятности, имеем дело с пунктами, обнесенными циклопическими стенами и иногда имеющими также внутри стен цитадели (остатки таких сооружений, как известно, часто встречаются на территории древнего Напри). Такие укрепленные пункты лишь при нападении малочисленных и слабо вооруженных врагов представляли эффективные оборонительные сооружения. Войскам ассирийского или урартского царя эти укрепления, конечно, не могли оказывать серьезного сопротивления. Рядом с такими слабо укрепленными пунктами на территории Манейского царства, вероятно, были в малом количестве и сильно укрепленные, снабженные мощными оборонительными сооружениями крепости, которые создаются манейскими царями благодаря своим широким возможностям, сооружения, которые были бы эффективными в новой обстановке, при нападении многочисленных и хорошо вооруженных войск Ассирии, Урарту и других сильных соседей Манейского царства.

Конечно, при исследовании типов населенных пунктов как страны Мана, так и вообще Напри-Урарту вместе с письменными источниками нужно привлечь также данные археологических исследований. Только таким путем можно вложить соответствующее конкретное содержание в трафаретные выражения ассирийских и урартских источников, которые употребляются по адресу многих разных территорий и часто, возможно, в разных местах обозначают разное. Выше мы хотели лишь обратить внимание на некоторые замечаемые в ассирийских и урартских источниках факты, которые имеют определенное значение при изучении этого вопроса².

¹ Употребление ÊKALLU («крепость, цитадель») в противопоставлении к ÂLU («мелкий населенный пункт»), упоминание по адресу первого «разрушения» (*harharšu-*), а по отношению второго «сожжения» (*amaštu-*) в урартских источниках многократно встречается при описании походов урартских царей в разные области Напри. См. например: Sa u se 37 : 7, 38 : 19, 38 : 44, 39 : 57, 40 : 58, 41 : 7, 43 : 24, 43 : 38, 45 : 6—7, 50 : 15—17.

² По отношению к Закавказью урартской эпохи для изучения этого вопроса большая работа проделана советскими учеными — см. например: И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, ИГАИМК, XIII (1—2), вып. 4—7; он же, Восточное Закавказье времен халдских завоеваний, ВДИ. 1937, № 1; Б. Б. П и о т р о в-

Во главе страны манейцев стоит царь. Власть манейских царей, вероятно, выросла из власти племенных вождей, но в эпоху, фиксируемую источниками, цари Мана, несомненно, имеют очень мало общего с вождями родового строя. Царская власть в Мана является наследственной, составляет монополию одного дома: после Irganzu престол занимает его сын Aza¹, после свергнутого с престола и убитого Aza на манейский престол садится его брат Ullusunu², после также свергнутого и убитого Ahšeri воцаряется его сын Ualli³ и т. д.

Часто ассирийцы берут сыновей манейских правителей заложниками. И это обстоятельство указывает на то, что здесь мы имеем дело с суверенными правителями. Так, например, Саргон II берет сына царя Ullusunu заложником, причем Ullusunu обнаруживает особую заботу о том, чтобы его сын не потерял прав на престол: с этой целью он prepares специальную надпись (ЛТ, стк. 54 = ARAB, II, 148). Повидимому, за овладение царским престолом в Мана шла борьба между отдельными представителями царского дома, за спиной которых, вероятно, часто стояли разные партии манейской аристократии. Наследника престола, находящегося вдали от Мана, в Ассирии, конечно, было бы легче всего устранить от власти. Все это заставляет, вероятно, царя Ullusunu заблаговременно принять меры для обеспечения престола за своим сыном.

Существование в Мана развитой царской власти уже a priori подразумевает существование здесь довольно сильного аристократического слоя. Источники вполне подтверждают это предположение. Явившегося перед Саргоном царя Мана Ullusunu сопровождают «вельможи» (amēl gabāni), «старейшины» (šibi), «советники» (mallki), которые являлись членами царского рода (zēr bīt abi-šu «семья дома его (= царя) отца»), но вместе с ними находятся также разные должностные лица, правители отдельных областей страны, которые не принадлежали к царскому роду (šakkanakkē, ridē и др.) (ЛТ, стк. 31 сл. = ARAB, II, 144). Текст Луврской таблички и в другом месте упоминает манейских вельмож (amēl gabāni), должностных лиц — правителей, царских наместников манейской страны (amēl šaknu) (ЛТ, стк. 58 = ARAB, II, 148).

Что касается правителей отдельных крупных составных частей манейского объединения, правителей крупных манейских областей (которых Саргон, выражая, вероятно, точку зрения царей Мана, называет amēl šaknūti mān Mannai gabūti «великие (царские) наместники страны Мана»), в их лице мы, по всей вероятности, не имеем дела с вождями родоплеменных единиц. Характерно с этой точки зрения, что у одного такого «манейского правителя» Daiukku урартский царь берет заложником сына (ARAB, II, 12); это, повидимому, указывает на то, что здесь мы имеем дело с суверенным, может быть, даже наследственным правителем. Свою власть правители таких крупных составных частей манейского объединения (округов), вероятно, не получали из рук царей Izirtu. Их власть, повидимому, является плодом такого же самостоятельного развития из власти племенного вождя, как и власть самих манейских царей. В эпоху Саргона мы встречаем целую плеяду таких «манейских правителей» (царь страны Zikirtu — Mitatti, Bagdatti из Uišdis'a, Daiukku, правитель страны Misiandu), которые, вопреки претензиям манейских царей, вполне независимы от них, а некоторые из них обладают большей силой, чем сами цари

ский и Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, ПИМК, 1933, № 5—6 и др.

¹ «Резюме» — надпись Саргона II, 36—37 (ARAB, II, 56).

² Ани., стк. 57 (ARAB, II, 10); «Резюме» — надпись Саргона II, 38—39 (ARAB, II, 56).

³ Изд. P i e r k o r n'a, стр. 54—55 (ARAB, II, 786).

Мана. Рядом с этими правителями в Мана, конечно, были и такие, власть которых (управление отдельными частями Манейского царства, а также многое другое) была получена из рук царей Izirtu. В соседнем Урарту, так же как и в Ассирии, в эту эпоху мы встречаем институт назначенных царем «правителей округов» (*bêl rahâti*), а также много других центральных или местных должностей. Вероятно, было все это и в Мана. Саргон, как мы указали выше, упоминает манейских царских наместников (*šak-ni*) — вероятно, назначенных царями правителей отдельных областей Манейского царства, а также других, более низших должностных лиц. И этот слой манейской аристократии, вероятно, активно вмешивался в дела царского двора, в борьбу за престол, когда представлялась для этого возможность. Такие ситуации, как мы узнаем из источников, в манейской стране возникали не редко (например, эпоха Aza — Ullusunu, Anšeri — Ualli и т. д.).

Существование суверенной, наследственной царской власти и сильной аристократии, ожесточенная борьба, происходящая вокруг царского престола, наблюдаемые в стране Мана, указывают, что процесс классовой дифференциации манейского населения в эпоху, засвидетельствованную ассирийскими и урартскими источниками, продвинулся уже далеко вперед. Несомненно, что здесь существовало резкое различие по экономическим и политическим возможностям среди свободного населения. Основную же массу эксплуатируемого населения в стране Мана, так же как и соседних государств, несомненно, составляли рабы, которых в большом количестве доставляли непрекращающиеся войны. К сожалению, за неимением соответствующих источников мы лишены возможности представить более рельефно классовую структуру манейского общества.

